

Вырезка из газеты

БАКУ
(вечерний выпуск)
г. Баку

3 ЯНВ 1983

Б Е З Ф И Н А Л А

2207
«РАВНОВЕСИЕ» — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА СТИХОВ БАКИНСКОГО ПОЭТА ВЛАДИМИРА ПОРТНОВА.

Обычно поэтов определяют или по эпохе — античный, средневековый, современный, или по школе — символист, футурист, акмеист, реалист; или по языку — русский поэт, французский, эстонский, азербайджанский...

Вл. Портнов современный, сугубо реалистический русский поэт, но все же настоятельно хочется назвать его прежде всего бакинским поэтом.

Дело не только в том, что его поэзия насыщена реалиями Баку, дело в каком-то особом мироощущении, мировосприятии бакинца, коренного жителя города, в котором столь издавна и столь причудливо переплелись Восток и Запад, Юг и Север, Азия и Европа, кавказский темперамент и восточная нега, традиции многовековой азербайджанской культуры, и то, что внесли в образ Баку музы Маяковского и Есенина, Тихонова и Луговского. Когда мы говорим о само собой разумеющемся интернационализме Баку, мы имеем в виду и важнейшие особенности социальной структуры и бытовые реальности обычного многонационального, многоязычного, густонаселенного и шумного бакинского двора — и обе точки отсчета общественно-значимой и повседневной, будничной — органически сочетаясь, сплавляясь, создают неповторимо специфический облик города ветров. Именно этот сплав рождает своих певцов, поэтов Баку, независимо от того, на каком языке они пишут.

Баку был как огромная семья, где разные фамилии смешались. В этом бакинском поэтам сродни музыканты Баку, в которых невытравимо остался след «бакинского джаза», куда бы потом они ни попадали. Наверное, точнее было бы назвать Вл. Портнова не только бакинским поэтом, но и поэтом Баку. И точно так же, как я акцентирую эпитет «бакинский», я подчеркиваю высокое слово «поэт».

Хотя Вл. Портнов как бы вскользь упоминает о своем пока неосуществленном желании: «написал бы я роман-жизнь бакинского квартала», я думаю, что

нального опыта? И мы вместе с автором задаемся печальным безответным вопросом: «Весь этот мир — куда он делся?». И в самом деле, Володя, милый, куда он делся, этот мир? Мир окраинных трамваев и пригородных электричек, мир поездов в стиле ретро, мир патефона, парашютной вышки на бульваре Парка Роте-Фане, мир взрослых, одетых в «ураинки» и парусину, в тапки, которых чистят «особым» зубным порошком? Удивительная особенность жизни в большом городе: переехав из одного квартала в другой, годами ты не забредаешь в район своего старого местожительства, хотя это где-то совсем рядом, под рукой, во всяком случае, гораздо ближе, чем другие города, в которых тебе приходится бывать чаще.

«Я в тех местах бываю редко», — пишет Вл. Портнов, и это психологически глубоко верно: есть какая-то магия не возвращения в места, дорогие для тебя ностальгической памятью ушедших лет, в эти кварталы нельзя вернуться, как нельзя вернуть прошлое. И лишь «память — спасение и приют», но кто может объяснить ее превратности, кто может вывести законы воспоминаний, принципы их избирательности — почему мы помним одно, казалось бы малозначительное и забываем другое, представляющееся нам когда-то таким важным и главным... Хорошие стихи обладают удивительным свойством, рассказывая о воспоминаниях автора, они делают их и твоими, тебе кажется, что все это видел и пережил ты сам... Автор вводит меня, читателя, в самоценный мир своих собственных ощущений, своего неповторимого опыта, но я воспринимаю все это как частицу своего опыта, своего прошлого —

В их санаториях, байдарках, в кружении под патефон, в значах и памятных подарках, в неведенье былых времен. Как белых брюк и юбок много (Как будто лето — навсегда) И тапочек на босу ногу... Но все исчезло без следа.

Когда я читаю эти удивительные прозрачные строчки стихотворения «Волейбол» (Лосиноостровская, 1939) я думаю о том, как же это так точно про меня написано (ощущение детства, как «лета — навсегда» мне казалось всегда моим глубоко личным, субъективным ощущением), хотя я никогда не был в Лосиноостровской, а в 1939-м году мне было всего год.

Воспоминания, по самой своей сути — всегда ностальгичны, но эта ностальгия освещена светлой грустью — ибо поздние зарубежные жизни раскрашивают все ушедшие годы, даже самые трудные, в цвет счастья.

Поэзия, впрочем, и всякое искусство — память и надежда... Чем больше и пронзительнее мы помним, тем больше у нас надежд быть понятыми другими... «Я дня не мог без тебя прожить, а прожил всю жизнь», — пишет Вл. Портнов, и еще раз убеждаешься в том, что чем личностнее ощущения художника, тем больше у него шансов быть услышанным, найти отклик в чужих душах. Но, наверное, такая сила воздействия связана не только с искренностью поэтического искусства, но и с умением автора запомнить, запечатлеть осязаемую «грубую, зримую» предметность места и времени действия.

Тривиальны подробности жизни, Человеческих дней пустяки, Но в своем областном реализме Я люблю помещать их в стихи, Где мы были, что ели и пили, Кто как выглядел, что говорил, — Я люблю эти мелкие были, Черновой повседневности пыл.

Строчки эти мне кажутся программными для Вл. Портнова, как и следующие слова: «Люблю простые вещи, густой и прочный быт. Он, словно, дымкой внешней, поэзией повит». Или вот такое признание: «И недаром воспеваю электрички и трамваи, уличных мальчишек стей, как учился, как служил.

Я, наверно, жил как все: галереи, керосинки... Очевидно, от того, что лирический герой портновской поэзии был и жил как все, он так цепко воплощает судьбу и биографию целого поколения бакинцев, вспоминает то, что так дорого им всем: «Каль Сабунчинского вокзала. И Фиолетово закрыли. Как прошлого осталось мало...».

И этот лирический герой, так же как и его сверстники, «собирает в круг годы, ставшие прозрачными...».

Вл. Портнов останется бакинцем, бакинским поэтом и тогда, когда пишет о полукруглой бухте Кокбетея, или дождливых дачах Карелии, или о гулких проходных дворах Ленинграда, о тусклом плеске каналов. Мне нрзятся (хотя и меньше) и те стихи Вл. Портнова, которые навеяны чисто книжными ассоциациями. Будучи изысканно литературными, они далеки как от литературщины, так и от холоднозвонкого, снобизма, они необычайно фактурны, в них такое же зоркое видение вещного мира, предметно — осязаемая фиксация «иностранныго» антуража, исторического реквизита, как и в стихах, основу которых составляют реальные жизненные наблюдения и впечатления. Как грандиозна и точна, скажем, «Шляхетская ода», как изящно-импрессионистично стихотворение «Круг»...

Вл. Портнов поведет на страницах своей книги о мечте написать роман без финала. Мне тоже захотелось закончить эти заметки о книге тонкого поэта, моего многолетнего друга и переводчика Владимира Портнова, его же собственными строчками: А финала нет,

как нет, — Нет, как не было начала, Жизнь бакинского квартала — Бесконечный мой сюжет, — Обрываю как попало. АНАР.